

Brandner, Aleš

К истории форм перфекта в русском языке

Новая русистика. 2019, vol. 12, iss. 1, pp. 67-70

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/NR2019-1-5>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/141201>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

<https://doi.org/10.5817/NR2019-1-5>

К истории форм перфекта в русском языке

СОКОЛОВА, А.: *Славянские претериты с исторической точки зрения: к истории форм перфекта в русском языке (на материале служебных миней на май XI–XIII вв.)*. Brno: Masarykova univerzita, 2017. ISBN 978-80-210-8876-4.

Древнерусскому языку была присуща сложная система форм прошедших времен (две простые формы — аорист и имперфект и две сложные формы — перфект и плюсквамперфект), которые обозначали разные способы протекания действия в прошлом (однократность, продолжительность, результативность, отношение к другому действию в прошлом и т. д.), но не характеризовали действие как законченное или незаконченное во времени. Это было связано с отсутствием в праславянском языке категории вида, которая получила развитие в древнерусский период, что и обусловило значительную перестройку системы прошедших времен. Простые формы прошедших времен (аорист и имперфект), выражавшие однократность или многократность действия в прошлом, были утрачены. Значения многообразных способов действия были обобщены в процессе формирования в то время значений совершенности-несовершенности в связи со становлением категории глагольного вида.

Средством обозначения действия в прошлом независимо от способа его протекания стала форма сложного времени — перфекта, в состав которого входила особая форма причастия прошедшего времени на *-л* в сочетании с глаголом-связкой *быти* (ср.: *есмь неслъ, еси неслъ* и т. д.). В древнерусском языке это сложное прошедшее время указывало на связь прошедшего действия с ситуацией настоящего момента. Чаще всего такая связь прошедшего с настоящим проявлялась как значение результативности или значение актуальности последствий действия.

Сложная форма перфекта была известна уже праславянскому языку. Она пришла на смену древней индоевропейской форме перфекта, которая была по своему образованию простой формой и сохранилась в отдельных славянских языках в виде изолированных образований типа старославянской формы *въдѣ*. Н смену простой формы уже в праславянский период пришли вышеуказанные сочетания личных форм настоящего времени глагола *быти* с формами активного причастия прошедшего времени на *-л*. В связи с утратой форм аориста и имперфекта функция выражения прошедшего времени с XIV в. переходила к форме перфекта. Аналитическая форма перфекта превратилась в простую. Довольно рано засвидетельствована утрата вспомогательного

глагола. Утраченной оказалась также вторая форма сложного прошедшего времени — плюсквамперфекта, которая в древнерусском языке обозначала действие в прошлом, совершившееся ранее другого прошедшего действия.

В современном русском языке формы прошедшего времени, структурно восходящие к формам перфекта, указывают только на отнесенность действия к периоду прошедшего относительно момента речи.

Настоящая монография посвящена эволюции форм перфекта, прошедших путь от аналитичности со специально дифференцированным значением действия в прошлом, результаты которого отражаются в настоящем, до синтетичности и универсальности, выражающейся в утрате вспомогательного глагола *быти* и приобретения формой на *-л* недифференцированного значения прошедшего времени. Автором представлены результаты исследования форм перфекта в майских служебных минеях XI–XIII вв., относящихся к литургическим текстам, переведенным с древнегреческого языка. Выбор майских служебных миней не случаен. Автор исходила из того, что *Путьятина Миней* (служебная миней на май XI в.) является одним из древнейших письменных памятников древнерусской письменности. В тексте *Путьятиной Миней* представлены существенные графико-орфографические и языковые особенности, помогающие историкам языка наиболее активно и полно описать состояние древнерусского языка в XI в. Сравнение *Путьятиной Миней* со списками служебных миней XII и XIII вв. позволило автору проследить развитие языковой системы древнерусского языка с XI по XIII вв. и выявить механизмы изменения системы глагольных форм, точнее — упрощения системы глагольных форм прошедшего времени. Объектом исследования стали причины и механизмы разрушения, с одной стороны, сложной системы прошедших времен древнерусского языка, с другой стороны, аналитического образования, традиционно называемого перфект, а также утрата им первоначального значения, традиционно обозначаемого как «прошедшее действие, результат которого отражается // продолжается в настоящем».

В настоящей монографии была предпринята попытка критического анализа системы глагольных форм прошедшего времени, когда аналитическая конструкция, обозначаемая термином перфект, рассматривается в данных текстах не как одна из четырех форм прошедшего времени, а как конструкция, используемая с определенными целями и не обусловленная единственным значением, а именно результативным. Богослужебные тексты предлагают разнородное употребление форм прошедшего времени, что обусловлено их временной отнесенностью и расчлененностью — описываемые действия и события уже прошли.

Рецензируемая книга состоит из двух глав.

В первой главе (*Перфект как явление грамматики* [SOKOLOVA 2017, 13–40]) полагается, что термин «перфект» трактуется в научной литературе весьма неоднозначно. Дается краткая история. Анализируются формы перфекта и их функционирование в славянских языках. Здесь отмечено, что большинство исследователей старославянского и древнерусского языков называют перфект прошедшим временем, которое выражает действие в прошлом с его связи с настоящим временем. Радикальное мнение высказывает московская лингвистка М. Л. Ремнева, которая того мнения, что в древнерусской эпохе первых памятников вообще не было сложной системы прошедших времен. Она отмечает существование двух функционально-стилистических систем — языка церковнославянского и языка деловой и бытовой письменности. В результате развития отдельных славянских языков перфект утратил свое первоначальное значение и постепенно принял функцию универсального прошедшего времени. Особое внимание в данной главе обращено на связь между перфектом и категорией залога, в результате чего было дано определение термина «семантика перфектности», которая в современном русском языке выражена в конструкциях со страдательным причастием (ср.: *Магазин открыт, Задание выполнено*).

Во второй главе (*Формы перфекта в майских служебных минеях XI–XIII вв.* [SOKOLOVA 2017, 41–78]) представлены результаты практической части исследования — описание и анализ найденных форм перфекта и самостоятельной формы на -л в славянских служебных минеях XI–XIII вв. Наибольшее количество исследуемых форм было засвидетельствовано автором в текстах XI в., наименьшее — в тексте XII в. Автор это объясняет значительными колебаниями в системе древнерусского языка XII в., которые проявляются в текстах, когда претеритные формы аорист и имперфект теряют конкретное грамматическое значение и используются либо по традиции, либо в каких-то особых стилистических условиях, либо по другим причинам. Подробно проанализированы наиболее частотные формы перфекта в исследуемых текстах, а именно формы 2 л. ед. ч. м. р. и ж. р. При анализе они были разделены в соответствии со способом выражения подлежащего на три группы: 1) контексты без формально выраженного подлежащего, 2) контексты с непрямо выраженным субъектом высказывания, 3) контексты с формально выраженным подлежащим.

Больше изменений и нерегулярных употреблений форм прошедшего времени представляет текст XII в. По мнению автора, это свидетельствует о том, что было сказано уже выше, а именно, что в XII в. в древнерусском языке происходили наибольшие изменения в языковой системе. В контекстах, где в *Путьяной Минее* использована форма перфекта, в контекстах от XII в. выступают формы аориста либо имперфекта, однако они не несут первоначального

значения. Текст от XIII в. представляет контексты, в которых усиливается значение личных местоимений в истории русского языка. В древнерусском языке в качестве связки в составном именном сказуемом может использоваться форма *бысть*, а формы типа *еси* в составе перфекта, наоборот, теряют свою значимость и превращаются в модально-временной показатель.

В *Заключении* [SOKOLOVA 2017, 79–83] подытоживаются результаты проведенных автором исследований. Следуют резюме на чешском (*Resumé* [SOKOLOVA 2017, 85–87]) и на английском языке (*Summary* [SOKOLOVA 2017, 89–91], далее список *Использованной литературы* [SOKOLOVA 2017, 95–100]. В *Приложении* [SOKOLOVA 2017, 101–172] представлен мелким курсивом напечатанный обзор анализированных текстов и, наконец, *Предметный указатель* [SOKOLOVA 2017, 175] — в нем приводятся употребляемые автором термины, связанные с темой работы; у каждого термина указаны страницы, где данный термин употребляется.

Рецензируемая монография представляет собой удачный труд, который затрагивает не только избранную тему по историческому развитию русского языка, но входит и в более широкие рамки славистического контекста, отчасти даже индоевропейского.

Алеш Бранднер

Библиография:

SOKOLOVA, A. (2017): *Slavjanskije preterity s istoričeskoj točki zrenija: k istorii form perfekta v ruskom jazyke (na materiale služebnych minej na maj XI–XIII vv.)*. Brno.

<https://doi.org/10.5817/NR2019-1-6>

Našli nový domov a zanechali stopu (K nové knize o ruské meziválečné emigraci)

КОПРИШИВОВА, А.: *Найти приют, оставить след... К столетию Чехословацкой республики*. Praha: Ruská tradice, 2018. ISBN 978-80-906815-2-1.

V aktuálním společenském a mediálním diskursu bychom jen těžko hledali dvě diskutovanější látky, než je otázka migrace a rusofobního narativu. Obě tato témata jsou však presentována povícero bez znalosti historických a kulturních souvislostí